

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук Кудлай Оксаны Сергеевны на тему:
«Литературная исповедь и её трансформация в прозе русского зарубежья»
по специальности 5.9.3 – «Теория литературы»

В диссертации О.С. Кудлай подкупает с первых страниц основательность подхода и глубокая заинтересованность в теме, - то и другое оправдывает долгий, аккуратный к ней подступ. Вся первая глава посвящена обсуждению исповеди как термина и понятия, - потом как религиозной и культурной практики, - наконец, как предмета изучения в разных дисциплинах. Во второй главе диссертантка приступает к обсуждению того, как христианский обряд, подразумевающий признание верующим своих грехов перед Богом в присутствии священнослужителя, внедрялся в светский обиход и при этом эстетизировался (чему способствовала письменная форма речи), как возникали и эволюционировали литературно-художественные формы исповеди. В них символический смысл религиозного ритуала отчасти наследовался и сохранялся, отчасти подвергался «нарушению» и «отрицанию» (с.132). Акт покаяния исходно не предполагал ни игры, ни вымысла, ни лжи, но в современном, светском, художественном исполнении он все чаще принимает смысл иронический и внутренне противоречивый. Так возникает исповедь «наизнанку» или «с лазейкой», по Бахтину (он цитируется в работе более ста раз, - и как теоретик речевых жанров, и как исследователь творчества Ф.М. Достоевского), ложная исповедь, антиисповедь, псевдоисповедь, гибридная анти-псевдо-исповедь (с.138), т.е., так или иначе, исповедь-парадокс, избавляющаяся порой даже от покаянных тонов, которые предполагались в ней по умолчанию.

В диссертации показано, как форма исповеди обживала пространства лирики, драмы и эпической прозы (романа), - как дифференцировалась от содержательно близких ей эго-повествований (автобиографического, мемуарного, дневникового, эпистолярного), как в ней соединялись возможности монолога и диалога. Исповедь могла входить в состав

произведения или выступать его целостной характеристикой, могла обуславливаться ситуацией (например, суда или ожидания смерти) или возникать в отсутствие какой-либо сюжетной мотивировки.

К анализу привлекается обширный материал. Во Введении, на с. 11 фигурирует впечатляющий список из более чем трех десятков имен от Пьера Абеляра до Максима Горького, и все они, действительно, так или иначе фигурируют в теоретической части работы. В другой ее части предлагается релевантный теме разбор творчества трех русских писателей, представлявших, соответственно, три волны эмиграции. Произведения В.В. Набокова («Соглядатай» и «Отчаяние»), Н.В. Нарокова («Мнимые величины») и Э.В. Лимонова («Это я – Эдичка») - все так или иначе ориентируются на форму исповеди, воплощенную в творчестве Ф.М. Достоевского, и ее развивают в меняющейся системе культурных координат. Нередко при этом акт покаяния трансформируется в акт психологического самораскрытия и самооправдания, в тексте актуализируется пародийное начало, возникает своеобразный агон героя и автора, этического и эстетического начал.

Теоретической новацией диссертации является очень продуктивное в аналитическом отношении сосредоточение на трехчастной коммуникативной структуре литературной исповеди, которая предполагает сложные и разнообразные отношения автора, кающегося героя и читателя (имплицитного адресата или эксплицитно присутствующего «исповедника»). Интересны и актуальны – в контексте дискуссии о субъектности литературного текста, субъектной организации жанра и т.д. - наблюдения О.С. Кудлай, касающиеся специфической экспрессивности исповедальной речи, т.е. приемов, которыми обеспечивается эффект откровенности, искренности, аутентичности высказывания. При этом автор диссертации аргументирует свою позицию доказательно и со знанием дела.

Что можно предъявить молодой исследовательнице в порядке критики и совета на будущее? Пожалуй, я бы посоветовала стремиться к большей

последовательности и внятности в выводах-обобщениях. Попробую раскрыть суть своей претензии на примере параграфа 3 главы третьей – «Литературная исповедь и теория жанров» и параграфа 3 главы второй – «Исповедь и исповедальность: к вопросу о разграничении понятий».

В самом начале параграфа 3.3 мы читаем: «Несмотря на многообразие определений исповеди в художественной словесности и, соответственно, отсутствие единого подхода к дефиниции данного понятия, литературоведы сходятся во мнении, что в ткани художественного произведения исповедь связана с «откровенным признанием героя-рассказчика в совершении безнравственных поступков, обращенным к читателям»» (с.119). И там же чуть ниже: «Однако жанровый статус литературной исповеди остается не до конца проясненным». Очевидно, что общее «мнение» литературоведов в глазах О.С. Кудлай – не синоним «единого подхода», что жанровый статус интересующего ее явления требует прояснения, и она в этой работе готова участвовать. За усилиями диссертантки по этой части мы и наблюдаем далее (с полным сочувствием!). Получается, что по Г.Н. Пospelову, исповедь не может быть жанром, ибо не обнаруживает устойчивых формально-содержательных признаков. По В.В. Кожинув тоже не может быть – в отсутствие преобладающей эстетической тональности. Тематический критерий или слово «исповедь» в названии произведения ненадежны как жанровый признак. Идея Ю.Н. Тынянова о «смещении» жанровой системы «также не способствует ответу на интересующий нас вопрос» (с.124), хотя и позволяет описать логику трансформации художественной исповеди. Интерес представляет концепция Ж.-М. Шеффера, трактующая жанр как особую коммуникативную стратегию или набор коммуникативных стратегий, реализуемых встречно пишущими и читающими. «Взгляд Шеффера на литературные жанры представляется нам наиболее адекватным для решения вопроса о статусе художественной исповеди: невозможно однозначно выделить и разграничить жанры художественной литературы, опираясь только на формально-содержательные признаки, как это до сих пор

принято в литературоведческой традиции» (сс. 125-126). Определеннее, кажется, не скажешь, и на следующих страницах (сс. 126-132) именно концепция Шеффера обсуждается как потенциально годный и адекватный для задач работы инструмент. Проведя анализ «по Шефферу», с учетом пяти выделяемых им функциональных уровней, О.С. Кудлай приходит к выводу, которым и завершается раздел: «Художественная/литературная исповедь характеризуется особым актом коммуникации, но не обладает набором *устойчивых* содержательно-формальных признаков, то есть не становится литературным жанром в традиционном типологическом понимании. Принимая во внимание существование художественной исповеди как наджанрового наименования, еще раз подчеркнем, что фактически жанровое определение произведения является результатом выбора автором/читателем той или иной коммуникативной стратегии» (с.132). Первая из процитированных фраз вполне понятна¹, но следующая за ней туманная оговорка («принимая во внимание,... еще раз подчеркнем, что фактически...») создает неопределенность, и неопределенность эта проникает потихонечку в выводы к работе. Формально-содержательные или «семантико-синтаксические» (с.130) признаки, о которых сказано и повторено, что их нет², как потом выясняется, все же есть. На с. 149 мы читаем: «Несмотря на «размытость» и «диффузность» своих границ, литературная исповедь имеет отличительные формально-содержательные признаки, которые выделяют ее среди многообразия художественных произведений и определяются предметно-смысловым содержанием, ситуацией адресации и композиционной формой завершения... отличить

¹ Она, кстати, повторяется в работе, предвосхищая и потом закрепляя основные выводы, на сс.15 и 151, а на с. 130 дублируется решительным заявлением: «литературная исповедь сохраняет свою жанровую специфику только на уровне акта коммуникации».

² Ср.: «содержательные особенности (воспоминания, признания, раскаяния) не специфичны для исповеди» (с. 123), она может «вбирать в себя разную тематику/проблематику» (с.130)

литературную исповедь от других форм словесного искусства можно при обращении к содержанию текста. При идентификации литературной исповеди отталкиваются от осознания исповедующимся собственной виновности, наличия чистосердечных признаний». Хотелось бы по этому поводу уточнить позицию диссертантки: как так получается, что «классические жанровые теории» или традиционное типологическое понимание жанра объявляются не применимыми к художественной исповеди (на с.4, с.123), а потом оказываются применимыми? С другой стороны, на работу с «щефферовскими» коммуникативными уровнями (и с жанровыми моделями, которые на разных уровнях могут быть по-разному представлены), явно делается ставка в теоретической части, а в практической части мы об ней почти забываем. И что же в итоге нам дает уклончивое определение литературной исповеди как «наджанра»?

Любопытными мне представляются усилия О.С. Кудлай установить четкую границу между исповедью и исповедальностью, - непрясненность этой границы, считает диссертантка, пагубна, поскольку приведет «к размыванию понятия художественной исповеди» (с.149). Исповедальность определяется при этом как «всепроницающая интенция сознания» (с.83), «в той или иной степени присущая всей художественной литературе» (с. 86). Но разве можно при *столь* широкой трактовке понятия отождествить или перепутать «исповедальность» с «исповедью»? Скорее она подразумевает некоторую совокупность свойств, изначально ассоциируемых с исповедью, но допускающих перенос на другие явления. Сама же О.С. Кудлай предлагает говорить в связи с этим о тоне, интонации, пафосе или виде лиризма. Конечно, сигналы исповедальности в литературной исповеди могут использоваться пародийно или иронически, но следует ли из этого, что исповедальности в таких текстах нет? Кажется, она все же есть, только считается надвое (принцип действия иронии!). Желание О.С. Кудлай установить между исповедью и исповедальностью различие, подобное тому, что установлено А.З. Хабибуллиной между элегией и элегическим (с. 87),

если понятно, то едва ли осуществимо – по причине вполне очевидной. Элегия – образцовый жанр, выпестованный традиционалистской эпохой, а литературная исповедь – жанровое образование, переживающее расцвет в контексте современности. «Исповедальность» стоило бы внимательнее исследовать именно как коммуникативно-стилевой эффект.

О.С. Кудлай обнаруживает ценное для теоретика любопытство как разработкам историков литературы и культуры (применительно к исповеди они многочисленны и богаты) и обращается с ними бережно, привлекая для построения теоретических обобщений. Но случаются и отдельные сбои, и тогда перед нами возникает «монтаж» из сносок, ссылок, цитат разных авторов, работавших с разным материалом и в разных методологических контекстах. Пример такой неудачи мы наблюдаем на с. 238, где уже подводятся итоги работе с текстом Э. Лимонова, и вдруг (!) у О.С. Кудлай возникает желание обозначить «основные этапы эволюции традиционного понимания тела и духа в религии и культуре». Эта масштабная акция осуществляется на следующих трех-четырех страницах, где соседствуют Тертуллиан и Августин, эпоха Возрождения и эпоха Просвещения, ссылки на работы М.М. Бахтина, И.М. Быховской, М. Мерло-Понти, Ж.-Л. Нанси, В.А. Подороги и Н.В. Живолуповой (хорошую книгу которой о «Записках из подполья» и субжанре исповеди антигероя О.С. Кудлай цитирует особенно часто и заслуженно). Очень понимаю азарт и жадность молодого ученого, но... вряд ли такие экскурсы могут иметь серьезный аналитический смысл.

Указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация О.С. Кудлай представляет собой серьезное, высокопрофессиональное исследование и вполне отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.3 – «Теория литературы» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном

университете имени М.В.Ломоносова. Работа оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Считаю, что соискатель Кудлай Оксана Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3 – «Теория литературы».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой общей теории словесности
филологического факультета
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»

ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.05 – «Литературы народов Европы, Америки и Австралии»

Адрес места работы:

119991, г. Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М. В. Ломоносова,
1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет
Тел.: +7 (495) 939-53-28; e-mail: venediktovatd@my.msu.ru

Подпись сотрудника

ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»

Т. Д. Венедиктовой удостоверяю:

14.05.2025